

УДК 172.1

ТРАНЗИТОРНАЯ ЭТИКА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XXI ВЕКА

Г.Э. Галанова

Рассмотрен морально-этический аспект транзитного российского общества, которое осуществляет переход от традиционного к постмодерному состоянию через современную культуру корпораций. Транзитность и этический релятивизм в России вызваны миграционными, мультикультурными и историческими факторами XX века. Мировоззренческий базис этики сегодня – социальность малых групп, основанная на разидентификации с традиционной социальностью. В условиях интеллектуализации деятельности в постиндустриальной экономике сознание и индивидуализированная мораль становятся производительными силами.

Ключевые слова: транзитная этика, общество постмодерна, корпоративная культура, частная жизнь, разидентификация, производительная сила.

Введение

Российское общество сегодня определяется в качестве модерного, постмодерного, некоторые философы даже возвещают о наступлении следующей культурной эпохи – afterпостмодерна. Дискуссии об afterпостмодернизме элитарного философского и художественного дискурсов находятся за пределами настоящей статьи. В статье будут рассмотрены морально-этические вопросы в контексте социальной структуры, ведь именно социальная структура свидетельствует «за» или «против» определенного стадийного статуса общества.

Социальная структура постмодерной России и дифференциация морально-этических статусов

Сегодня в России, с одной стороны, можно с позиций марксизма наблюдать расслоение общества на «владельцев капитала» и «всех остальных» по имущественному критерию, что отражается в традиционной культурологической дихотомии «элитарной и массовой» культур. Однако внутри всех общественных слоев уже с позиций веберовской социологии наблюдаются горизонтальные стратификации [1, с. 168 – 171; 2]. Социальная дифференциация в обществах, политика которых основана на принципах социального государства предполагает интерпретацию фактов культуры в качестве критериев стратификации. Представители средних слоев при равном имущественном достатке отличаются по своим досуговым предпочтениям, стратегиям потребления, убеждениям и ценностям настолько, что их нельзя объединить в один «класс». Так появляется определение новых общностей в качестве различных субкультур и мультикультурная социальная концепция, когда на смену общенациональной культуре и идеологии приходят «кризис больших нарративов» (Ж.-Ф. Лиотар), идея различия (Ж.Деррида), закономерное утверждение культурного, этического, эстетического, гносеологического плюрализма и релятивизма.

Для определения классово-культурной принадлежности человека важна его профессия – основной источник материального состояния, детерминанта стиля жизни, предпочтений, ценностей, корпоративной, а значит и целостной жизненной этики. Еще К.Маркс обнаружил феномен «профессионального идиотизма», Г.Маркузе развил эту идею в концепт «одномерного человека», все эти исследования говорят о значимости организационной культуры для морально-этического статуса человека. Корпорация, подчиняющая себе индивида, имеющая статус альтер-государства в сознании человека – это продукт зрелого модерна (начало XX века – 1950-е годы XX века). Построение корпоративных культур в России сегодня ведется, как правило, по принципу корпораций западного модерна типа. Сама навязчивость дискурса о необходимости построения корпоративных культур свидетельствует о том, что «организационная эпоха» в России еще до конца не изжита.

Дифференциация морально-этических статусов современного полиэтнического и мультикультурного российского социума определяется во многом тем, что в условиях глобализации существенную долю в структуре наемных работников корпораций составляют мигранты (носители переходного от традиционного к модерному менталитета), которые стремятся и вливаются в существующую в России корпоративную культуру западного модерного типа, стабилизируют тем самым модерное корпоративное состояние. В этих условиях корпоративной этике принадлежит очень ответственная «воспитательная» роль. Об этом, применительно к западному культурному контексту, писал еще А.Печчи: благодаря миграции, колонизации, завоеваниям, торговле, промышленному развитию, финансовому контролю, культурному влиянию трудовая этика Запада так или иначе навязана всем, мало-помалу все страны и народы начинают жить по ее образцу [см. 3]. Фактически этика, которую мы знаем в терминах корпоративной культуры, является доминирующей для средних общественных слоев сегодня, выступает значимой формой общественного сознания, так как большинство людей занято в организациях, корпорациях в качестве наемных работников. Этим фактом обусловлена особая социальная ответственность организаций.

Таким образом, транзиторное общественное состояние в России (от традиционного общества к постмодерну через «официальный», корпоративный модерн) порождает сегодня транзиторную этику («общественное моральное сознание»).

Перспективы морально-этического развития России

Транзиторность морального сознания, характерная для переходного российского общества, находит опору в отечественном историческом контексте, связана со спецификой формирования российской морально-этической традиции. Российская особенность постмодерна как «мироощущения эпохи» (Ф. Лиотар) или характеристики «интеллектуального климата» (Ф. Анкерсмит) состоит в том, что постмодернистские идеи и настроения, в частности, этический релятивизм, находят непосредственный выход в социальной жизни, тогда как в культуре Запада эти идеи выражаются в большей степени в искусстве, в классически понимаемой культуре, а не в непосредственном нравственном состоянии общества. В сфере же общественных морально-нравственных стандартов там царит больший и традиционный порядок, это связано с уровнем правовой культуры. В России именно исторические факторы XIX – XX веков (частая смена политических режимов) «виновны» в релятивизации смысложизненных установок, несмотря на то, что эта релятивизация традиционно приписывается влиянию западного постмодернизма.

Нравственные ценности и регуляторы в мультикультурной среде предусматривает рефлексии антропологической границы, принципы «катастрофической этики» (К.Г. Фрумкин), которая предполагает рефлексии границы бытия представителем класса, пола, наконец, бытия человеком как таковым. Ситуация современного мультикультурализма демонстрирует эмпирические примеры достаточно массовых случаев антропологической и этической «вненаходимости», когда идентичность человека обнаруживается в межкультурных промежутках между его статусами, на границах различных его ипостасей. Мультикультурализм заставляет говорить о перманентном кризисе идентичности, о транзиторном состоянии как о норме в антропологической динамике. Речь идет о смысложизненном творчестве современников, о жизненно-стилевом разнообразии, которое становится сегодня своеобразной нормой.

Мировоззренческим базисом этики в отечественной культуре сегодня становится «социальность малых групп», когда субъекты разотождествляются с большой модерной социальностью, возникает персонифицированная социальная среда, акцентируется значимость частной жизни, формируется крайний индивидуализм. На основе перечисленных факторов происходит новая сборка претерпевшей кризис социальности.

Тенденции, которые наметились в менталитете обслуживающих профессий и в интеллектуальном сегменте экономики (эти сферы особенно значимы в информационную эпоху), позволяют поставить вопрос о значимости личностного морально-этического компонента в социальной динамике постмодерной России. Во-первых, интеллектуализация многих сфер деятельности в постиндустриальной экономике способствует повышению ценности человека. Качество выполнения служебных обязанностей в «нематериальном» сегменте занятости зависит от личности, ее культуры, интеллекта, навыков, образования. Конечно, можно критиковать современную цивилизацию за «церебрализацию» жизни (как это делает отечественный философ В. Кутырев) обнаруживать появление новых, на этот раз ментальных, культурных, символических форм эксплуатации (такова концепция «когнитивного капитализма»), но можно, вслед за Р.Флоридой увидеть настоящую революционность новой ситуации. Приведу слова Р.Флориды: «В известной степени Карл

Маркс был прав, предсказывая, что когда-нибудь трудящиеся получат контроль над средствами производства. Это уже начинает происходить, однако не по тому сценарию, который представлял себе Маркс, – с восстанием пролетариата, захватывающего фабрики. Сейчас люди в большей мере, чем когда-либо, контролируют средства производства, потому что последние находятся у них в голове; мозг и есть средство производства» [4, с. 52]. *В развитых обществах культура, которая «у человека в голове», осуществляет осознанное обратное влияние на базис.* Задачей «маленьких людей» российской современности, представителей мультикультурных, но средних (в имущественном плане) слоев нашего общества, сегодня является переосмысление своей роли в обществе, в организациях и корпорациях, в структурах разного рода. Повышение доли нематериального труда в информационной экономике приводит сегодня к повышению значимости таких ресурсов, как личные качества, персональное уникальное образование, интеллектуальная собственность. Человек становится главной экономической ценностью, и это не лозунг, а факт. Однако мы не всегда понимаем, чем владеем, и привычно понимаем лозунги о ценности человека в качестве абстрактных морально-этических сентенций, отражающих желаемое, но не реальное положение вещей.

Во-вторых, результатом политики общества «всеобщего благоденствия» в Европе стало состояние «постматериализма» (Р. Инглхарт), когда творческое самовыражение, помимо заработка, становится важной целью труда. Постматериальные потребности (спрос) порождают культурные, творческие предложения, провоцируя символическое потребление и творческий потенциал личности. В области творческой занятости, которая порождает символические, культурные продукты, будь то информационная технология или концепция торжества, неизбежно преобладает прекаритет, то есть нестабильная с точки зрения сторонника наемного труда, занятость: не трудовой, а авторский контракт, не длительные, а краткосрочные условия сотрудничества. В случае такого вида занятости отрыв от корпораций, которые неизбежно подавляют личность, повышает ценность отдельной творческой личности фрилансера, ставят на должное место индивидуалистическую этику.

В-третьих, состояние постмодерна часто определяется как аномичное, кризисное, транзиторное. Но именно социально-исторические кризисы дают импульс к самоосмыслению человеком себя, смысла собственной жизни, своих биографических перспектив. Так было на заре нового времени, в период зарождения новоевропейской субъектности. Рождение субъектности как универсального социального опыта в эпоху нового времени стало возможным в силу того, что социальный опыт утраты традиционных ценностей, экзистенциальный опыт боли, одиночества и страха стали массовым явлением, так как новое время – это время если еще не глобальных, то поистине массовых, общемировых социальных процессов (мировых войн, распространения единого капиталистического типа хозяйствования и т.д.) В чем-то подобную ситуацию можно обнаружить и в транзиторной России сегодня. Массовый рост безработицы в 1990-х, когда происходила смена общественного строя, люди просто теряли работу, полностью подчинявшую себе их жизни до этого, теряли сбережения и смысл социального бытия – все эти факты позволили им по-новому взглянуть на самих себя, переосмыслить ценность частной жизни, дать самим себе обещание больше никогда не воспринимать всерьез «большие нарративы» и «большие организации» с их претензиями и требованиями, ведь, в конце концов, в плане идеологии и карьеры всегда можно оказаться «обманутым вкладчиком». И здесь начинается самое важное: *разидентификация* с уже существующими в обществе морально-этическими установками обладает большими гуманистическими задатками. Современнику приходится иметь дело с последствиями *догоняющей идентификации*, идеологией перманентного саморазвития личности (векторы которого, как правило, заданы совсем не самим человеком). Искусственная стимуляция исконно человеческого стремления к трансцендированию, характерная для обществ «организованного капитализма», уводит человека в сторону от осмысленной жизни, и в постсоветской России эта тенденция как никогда сильна. Но именно здесь и содержится гуманистический потенциал, подвигающий человека к поискам самого себя уже в стороне от «главной дороги истории», на обочине которой возможна новая сборка социальности.

Заключение

В условиях постиндустриальной (высоко модернизированной) экономики морально-нравственная составляющая жизни (предмет традиционной этики) становится производительной силой. Это уже не позволяет говорить о морали как о «всего лишь» надстройке, так как сознание человека становится поистине новым средством производства. В этой связи исследования этики и, в частности, предпосылок благополучия различных российских субкультур получают дополнительный социально-философский потенциал.

Вот почему многие экономисты, политические деятели, а не только философы сегодня стали всерьез исследовать тему счастья, возникли призывы измерять уровень благосостояния общества не в ВВП, а в ОБ (индекс «общего благополучия» был предложен Д. Кэмероном в 2006 году), создаются общественные движения в поддержку идеи благополучия граждан [5, с. 360, 12]. Интерес к этической проблематике сегодня, в том числе, к теме счастья с социологических, а не только философских позиций, объясняется тем, что российское общество перешагивает рубеж модерна. Теперь уже не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие – так, по его собственным словам, «упрощенно» высказался У. Бек относительно общества риска [2, с. 26]. Можно согласиться с этим утверждением, так как именно мораль (этика) становятся на данном этапе общественного развития настоящей производительной силой, утратив свою традиционную роль вторичного надстроечного продукта. Счастье – это, казалось бы, всего лишь тема этики, которую воспринимают зачастую в качестве нереалистической «науки», содержание которой – спекулятивные рассуждения о заведомо недостижимом общественном состоянии.

Перспективы развития этики как философской дисциплины, в постсоветский (постмодерный) период российской жизни, на наш взгляд, связаны с отказом от традиционной роли и статуса этики как подчеркнуто идеально-нормативной науки, предлагающей поступать вопреки экономической и властной логике в пользу логики высшей, «метафизической». Так, относительно социально-экономического аспекта в этике, замечу, что многочисленные учебные издания по «корпоративной культуре», «профессиональной этике» или «этике бизнеса» пестрят абсолютно нереалистическими рекомендациями властным лицам (носителям этики менеджера или руководителя) «не нарушать закон», «быть справедливым» и т.п. Эти нормы все равно не соблюдаются и приводят к закреплению за философской этикой репутации нереалистической, идеалистической, далекой от жизни и « витающей в облаках » науки. Концепция «транзиторной этики» предполагает выработку способов постулирования (формулировку с последующим действием) смыслов, которые будут предполагать адекватные способы коммуникации человека с социальной действительностью; изучение практик культурного сопротивления негативным социальным тенденциям; осознание личной, персональной, приватной фундированности светской морали в современном мультикультурном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: Учеб. пособие для вузов / Л.Г. Ионин. М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. *Печчеи А.* Предисловие / А. Печчеи // Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
4. *Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; пер. с англ. А. Константинова. М.: Издательский дом «Классика – XXI», 2011. 432 с.
5. *Лэйард Р.* Счастье: уроки новой науки / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. 416 с.

Поступила в редколлегию 08. 07. 14

TRANSIENT ETHICS IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE XXI CENTURY

G.E. Galanova

Moral aspect of Russian transitional society is considered. Russian society turns from traditional into postmodern through modern corporative cultures. Transitional status and relativism caused by migration, multiculturalism and Russia XX century history. Contemporary ethics is based on small groups sociality re-identical from traditional sociality. In terms of intellectualization of professional activity in the post-industrial economics, conscious and morality become a productive forces.

Keywords: transitional ethics, postmodern society, corporative culture, private life, 'razidentifikatsiya', productive force.

Галанова Гульнара Эдуардовна – канд. филос. наук (КНИТУ-КАИ, Казань)
E-mail: galanova@fromru.com